

АЛЕКСАНДР НЕСТРУГИН

БЕССТРАШНО, МОЛОДО, СВЕТЛО

* * *

Я замечал: леса чернеют,
Вмерзает в лёд пустой причал...
А то, что руки коченеют,
Я даже и не замечал.

То листвою ходил парадом,
То иней мир мой величал...
А то, что никого нет рядом,
Я даже и не замечал.

Не шут, не карлик в чьей-то свите,
Я сам свои снега встречал.
А то, что мне — уже не выйти,
Я даже и не замечал...

НЕСТРУГИН Александр Гаврилович родился в 1954 году в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Стихи и эссе публиковались во многих литературных изданиях России и зарубежья. Автор десяти книг поэзии и прозы. Лауреат премии и.м. В. Кубанёва (1988), всероссийской литературной премии “Имперская культура” и.м. Э. Володина (2008), международного литературного конкурса и.м. А. Платонова “Умное сердце” (2012). Член Союза писателей России. Живёт в райцентре Петропавловка Воронежской области.

* * *

Обыденность со стынушим обедом,
За полу не хватай меня, уйди!
Грачи кричат на языке победном,
И что-то обрывается в груди...

Бессонницам моим, снегам, обидам
И чьей-то лодке, краем вмёрзшей в лёд,
Грачи кричат на языке забытом —
И никому не нужен перевод!

И день стоит, растроган и расхристан,
Сугроб подталый на затылок сбив.
И многоточьем после вечных истин
Чернеют гнёзда в сучьях старых ив...

* * *

Жар-птицы есть, но мало.
Есть люди. И они
Как встарь, из краснотала
Ещё плетут плетни.

Над жёлтою горою,
Над поймою донской
Плетни горят зарёю —
Своею, хуторской!

Да, есть важней ремёсла...
Зато в любом дворе
Мальчишка ставит вёсла
Сушить

внаклон —
к заре!

МАНОК

А. Бровашову

Вещица — так, пустяк, игрушка,
Похожая на детский горн.
Но откликается послушно
Олень...
Ведь у оленей — гон!
И треск ветвей — всё ближе, ближе...
К чему таиться и кружить?
Забыто напрочь слово “выжить”,
И бьётся, бьётся слово “жить”!
Трещит орешник, гнутся ивы
И расступаются терны.
Глаза, что отроду пугливы,
Каким огнём озарены!
Он слышал зов!
И вот, как в клетке,
Он мечется в лесу большом!
А егерь делает пометку
Химическим карандашом...
В лесу учёт.

Манок — уловка,
 Вреда не сделавший пустяк.
 Но знаешь: всё-таки неловко...
 Ведь и с людьми порою — так...

ЗНАК

Провинция...
 Какая скука!
 Куда нести её, кому?
 Какая медленная мука:
 Сгорать бесследно одному!

Хоть не бездомник, не гуляка,
 Выходишь в сумерках к холму,
 И сердце, вопреки уму,
 Ждёт отклика, ответа, знака!

Ответа нет.
 Собака лает.
 Задуло фонари село...
 И Млечный Путь опять пылает —
 Бесстрашно, молодо, светло!

ОХОТА

Слезлив стал...
 Да, видимо, возраст,
 Хоть вроде и рано о том.
 А может быть, осень...
 Задумчивый воздух,
 Осина с багряным листом...
 Давно не случалось такого вот лёта —
 Стреляют с обеих сторон.
 Но медлит, как будто припомнивши что-то,
 К стволу поднесённый патрон.
 И ветер мышонком, забравшимся в сенцы,
 Шуршит в побелевшей куге...
 Наверное, осень...
 А может быть, сердце,
 Что было сродни пустельге:
 Глядело далёко, летало высоко,
 Не мучилось зряшной виной.
 И падало долго, как маленький сокол,
 Задетый дробинной шальной.

ТЕТРАДЬ

Памяти А. Прасолова

Удивлялись: “Ты, глянь, исхитрился, попал!”
 Все гадали: “И как же сумел?”
 А в тетрадке его, что в сельпо покупал,
 Вырос лес — и листвою зашумел!

А в тетрадке его — то ли бог, то ли бес
 Верной ночью ему подмигнул —
 Под ветрами шумит, колыхается лес,
 И до звёзд занимается гул!

Не заоблачный гром, не полночный набат —
Этот гул не похож на земной.
Но расслышав его — и куда все глядят? —
Даже взгляд, даже облик иной.

И зачем все глядят в белый свет, в синий дым,
В запредельные дали-края...
Даже те, даже те, что глумились над ним,
Что кружили — черней воронья,

Что сходились, как тьма, что смыкались стеной:
Мол, бродяга, и втёмную пьёт.
И клеймили сельпо наше чёрной виной,
Что тетрадки таким продаёт...

* * *

Я предисловия читаю после...
Там лес не свищет, вьюга не поёт,
Там некто в чёрной рясе с рожей постной
Поэту индульгенцию даёт!

Там некто — пусть лишь с виду — важный, сытый
По полочкам разложит боль и страсть.
Как будто мир мятежный, как проситель,
Кому-то вправду может в ноги пасть!

А голос служки величав и зычен,
Он, этот служка, знает, что почём:
От всех грехов, от всех своих язычеств
Мятежный дух отныне отлучён...

И я кричу, кричу: “Замолкни, дурень!
Не место там лукавому льстецу —
В стихах его, где резкий ветер дует
И ветки вётел хлещут по лицу...”